

Катонъ, Цезарей—свидѣтелей нѣмыхъ
 Неумолимаго, какъ время, разрушенья—
 Хотѣлъ разсвѣтъ я унылыя сомнѣнья;
 Священныхъ тѣней ихъ тревожилъ я покой.
 Безсмертія искалъ я въ урнѣ гробовой—
 И признаковъ его, никѣмъ непостижимыхъ,
 Искалъ во взорахъ жертвъ, недугами томимыхъ,
 Въ очахъ, исполненныхъ и смерти, и тоски,
 Въ послѣднемъ трепетѣ хладѣющей руки;
 Пылалъ обрѣсть его въ желаніяхъ надежныхъ,
 На мрачныхъ высотахъ туманныхъ горъ и снѣжныхъ,
 Въ струяхъ зеркальныхъ водъ, въ клубящихся волнахъ,
 Въ гармоніи стихій, въ раскатистыхъ громахъ.
 Я мнилъ, что грозная, въ порывахъ измѣненій,
 Въ часы таинственныхъ небесныхъ вдохновеній,
 Природа изречетъ пророческій глаголь:
 Богъ блага могъ-ли быть Богъ бѣдствія и золь?
 Всѣ промыслы Его судьбъ непостижимы,
 И въ мірѣ и добро, и зло необходимы.
 Но тщетно льстился я... Онъ есть, сей дивный Богъ;
 Но, зря Его во всемъ,—постичь я не возмогъ.
 Я видѣлъ: зло съ добромъ—и, мнилось, безъ цѣли—
 Смѣшавшись на землѣ, повсюду свирѣпѣли;
 Я видѣлъ океанъ губительнаго зла,
 Гдѣ капля блага быть излита не могла;
 Я видѣлъ торжество блестящее порока—
 И добродѣтель, ахъ, плачевной жертвой рока!
 Во всемъ я видѣлъ зло, добра не понималъ,
 И все живущее въ природѣ осуждалъ.

Однажды, тягостной тоскою удрученный,
 Я къ небу простиралъ свой ропотъ дерзновенный—
 И вдругъ съ эмира лучъ блеснулъ передо мной
 И овладѣлъ моей трепещущей душой.
 Подвигнутый его таинственнымъ влеченьемъ,
 Разстался я навѣкъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ,
 Забывъ на Вышняго презрѣнную хулу,
 И такъ Ему воспѣлъ невольную хвалу:

«Хвала Тебѣ, Творецъ могучій, безконечный,
 Верховный Разумъ, Духъ незримый и предвѣчный!
 Кто не былъ, тотъ возсталъ изъ праха предъ Тобой.
 Не бывши бытіемъ, я слышалъ голосъ Твой.
 Я здѣсь! Хаосъ Тебя рожденный славословить,
 И мыслящій атомъ—Твой взоръ творящій ловить.